

Охранник позади молча выполнял роль невидимки, держа в руках множество вещей, словно нянька.

Из-за долгой прогулки днём братья, вернувшись вечером, сразу же легли спать. Е Наньфэн, проснувшись среди ночи, почувствовал странный запах, от которого его буквально разбудила тошнота.

Проснувшись, он увидел, что Е Наньмянь, словно осьминог, крепко обнимает его. Внутри него поднялась волна раздражения и неприязни. Нахмурившись, он попытался понять, что это за запах, и с удивлением обнаружил, что это запах яйца.

Е Наньфэн, нахмурившись, отодвинул пухлую ручонку малыша, который, не просыпаясь, лишь крикнул и перевернулся на другой бок. Наньфэн не стал обращать на него внимания, сосредоточившись на поиске источника запаха.

Он чувствовал, что запах исходит откуда-то совсем близко.

Поиски не увенчались успехом, но запах становился всё более резким, вызывая тошноту. Ему пришлось встать и зажечь лампу.

Стараясь не разбудить охранявших снаружи Уго и Уци, Наньфэн двигался как можно тише, чтобы не создавать лишнего шума.

При слабом свете лампы он сразу же заметил желтоватое пятно на своём белоснежном ночном одеянии. В голове мгновенно всплыла догадка: «Неужели это яйцо? Ведь днём малыш купил яйцо и бережно держал его в руках».

Наньфэн корил себя за то, что рассказал малышу, как из яйца может вылупиться цыплёнок. Мальчик с энтузиазмом заявил, что тоже хочет вывести цыплёнка. Тогда Наньфэн не придал этому значения, а теперь вот результат — вонь, которая прервала его сон.

С лампой в руке он подошёл к кровати, откинул одеяло и увидел, что на белом ночном одеянии малыша тоже было жёлтое липкое пятно.

Лето уже подходило к концу, и лёгкая ночная одежда не спасала от холода, вызывая дрожь.

Разозлённый Наньфэн сдёрнул одеяло, снял с малыша одежду, но тот даже не проснулся, что только усилило гнев Наньфэна. Теперь даже ангельское личико малыша не казалось ему милым. Если бы не боязнь разбудить других, он бы уже шлёпнул его по щеке.

Щека — не вариант, но и другие места не лучше. Тогда Наньфэн выбрал место, которое, как он считал, подходило для наказания.

Не раздумывая долго, он легонько шлёпнул малыша по попке, решив разобраться с ним завтра.

Укрыв малыша одеялом, чтобы тот не простудился и не дал Ян Фэнлань повода для упреков, Наньфэн снял свою испачканную одежду, нашёл новую, заменил одеяло и, убедившись, что яйцо раздавилось в руке малыша, а не на простыне, лёг спать. К счастью, малыш спал спокойно, иначе Наньфэн бы просто завернул его и выбросил на пол, чтобы поменять постель.

После уборки он снова лёг, но сон уже улетучился. Однако детский организм быстро засыпает, и даже в гневе Наньфэн вскоре уснул.

На следующий день все в усадьбе Е Наньфэна узнали, что их милый, но своевольный наследник пытался вывести цыплёнка, но разбил яйцо прямо на кровати. К полудню, когда братья вернулись из школы, история уже обросла множеством версий. Е Наньмянь, случайно услышав об этом, был так смущён, что даже не мог показаться на глаза.

Утром его уже отругал брат, а теперь над ним смеются. Он поклялся себе, что об этом не узнают в дворцовой школе!

День выдался ясным, яркое солнце уже потеряло летний зной, и осенний ветер начал набирать силу, стремясь заменить летнюю жару.

*

Голубое небо, жёлтые листья. Осенние пейзажи сливались с волнами, над которыми клубился лёгкий туман. Горы отражались в закате, а небо соединялось с водой. Трава, казалось, была равнодушна к красоте заката, оставаясь за его пределами.

*

Е Наньфэн считал себя талантливым и трудолюбивым, и даже если в чём-то он отставал, усердие помогало ему восполнить пробелы.

Однако в последнее время он был в отчаянии. Сколько бы он ни старался, сколько бы ни упражнялся, его игра на цитре вызывала у всех желание умереть. Тайфу, выслушав его, кратко заметил:

— Невыносимо, — и быстро вышел из комнаты, чтобы подышать свежим воздухом и насладиться звуками природы.

Наньфэн занимался уже больше десяти дней, но вместо прогресса его игра становилась всё хуже. В конце концов, тайфу, не выдержав его «музыки», просто сказал:

— Ты сегодня будешь заниматься один.

Наньфэн пожал плечами и покорно продолжил играть. Лично он считал, что прогресс есть: теперь он играл более плавно, и, казалось, не ошибался в нотах. Однако тайфу только чаще моргал и потирал уши. Вначале он ещё старался сохранять достоинство, но потом просто сдался.

Одноклассники не раз смеялись над ним, особенно Ян Яньчжао и Бань Ушэн, особенно последний.

Имя Бань Ушэн означало «тишина громче слов», но он вёл себя совершенно наоборот: болтал без умолку, и куда бы он ни шёл, его голос разносился повсюду, что явно не оправдывало ожиданий тайфу.

Кстати, Бань Ушэн был учителем музыки Е Наньфэна и главой дворцовой школы. Даже император здесь подчинялся ему, так что Бань Ушэн лучше всех знал о проблемах Наньфэна.

Вскоре после ухода тайфу Наньфэн продолжал увлечённо (и без разбора) играть на цитре, когда слышал голос Бань Ушэна.

Наньфэн заиграл ещё активнее, не обращая внимания на ноты, просто бряцая на цитре. С его уровнем мастерства он мог бы сломать ещё несколько инструментов, и никто бы не сказал ни слова. Это был отличный способ помучить Бань Ушэна, который всегда так охотно смеялся над ним.

Бань Ушэн, зажав уши, ворвался в комнату с криком:

— Ааааа! Мой господин, умоляю, остановитесь! Не мучайте мои уши! Я пришёл не просто так, у меня есть важные новости.

Наньфэн даже не взглянул на него, продолжая наслаждаться своей «музыкой».

Бань Ушэн, видя, что его игнорируют, а Наньфэн играет ещё активнее, словно исполняя «Горы и воды», смиренно продолжал извиняться:

— Мой господин, я виноват. Ваш милый, послушный и воспитанный брат вместе с третьим принцем и ещё несколькими мальчиками перелезли через стену, чтобы сорвать яблоки, и были пойманы тайфу Лю. Сейчас они пишут объяснительные в комнате для нарушителей, и их нужно забрать. Лучше поторопитесь.

Бань Ушэн с удовольствием наблюдал, как меняется выражение лица Наньфэна при упоминании его брата, и с улыбкой в глазах, но с язвительными мыслями в сердце, думал: «Вот видишь, твой брат — не такой уж милый и послушный. Это просто сорванец. А ты тогда на меня обиделся, когда я сказал правду».

Наньфэн резко прекратил свои музыкальные упражнения, оценивающе посмотрел на Бань Ушэна, чтобы убедиться, что тот не шутит.

Бань Ушэн взорвался:

— Ты бессердечный! Тебе не стыдно? Я пришёл тебе помочь, а ты не веришь мне!

Наньфэн холодно посмотрел на него:

— Продолжай бороться с самим собой. Я ухожу.

Бань Ушэн не сразу понял, как резко сменилась тема. Неужели его напор подействовал? Когда Наньфэн уже ушёл, он снова взорвался:

— Эй, Е Наньфэн, ты мне не указ! Подожди, посмотрим, буду ли я ещё говорить за тебя перед моим отцом.

Но Наньфэн даже не обернулся, махнув рукой, словно оставляя за собой лишь облако пыли, и поспешил в комнату для нарушителей, чтобы забрать своего «милого» брата.

<http://bllate.org/book/15521/1379622>